

СОЗДАВАЯ сего- дня счастливую жизнь, совет- ские люди твердо, как никогда твердо, верят в торжество коммунизма, в победу дела мира. Верят потому, что борьбу за эти высокие идеалы возглавляет наша род- ная, мудрая, закаленная в боях Комму- нистическая партия.

С ЧЕМ НЕЛЬЗЯ СОГЛАСИТЬСЯ

Н. С. Хрущев на III съезде писателей назвал нас, советских литераторов, верными помощниками партии. Эти слова товарища Хрущева сегодня стали основным критерием в оценке нашей творческой деятельности. В самом деле, вряд ли сегодня можно судить о таланте писателя или художника, композитора или деятеля театра, не определив значения его произведений в нашей общественной жизни. Сила и мощь нашей литературы состояли и состоят в том, что она принимает живое участие в практике коммунистического строительства, оказывая помощь партии и государству в воспитании поколения преданных борцов за коммунизм.

Сколько бы мы сегодня ни говорили о мастерстве и новаторстве, главным для нас, советских художников, было и есть — поиски новых героев, раскрытие благородного облика нашего современника, человека труда.

Следует считать весьма отрадным, что за последнее время драматургии значительно больше стали интересоваться человеком, строем его мыслей и чувств, научились тонко и глубоко проникать в души изображаемых героев. Выросла и творческая активность драматургов. Театральные афиши пестрят названиями новых спектаклей и именами новых авторов. Советская драматургия в последнее время заметно потеснила заружную буржуазную мещанскую мелодраму. А это немалая победа!

Однако все это еще не означает, что в драматургии уже произошел крутой поворот к темам современности. К сожалению, приходится констатировать, что драматургический вакуум у нас существует и заполняется порой довольно сомнительными пьесами, где действуют довольно сомнительные герои и не нашедшие для себя места в жизни молодые люди, разочарованные в собственных идеалах. Как правило, действуют они в тесных и душных квартирах, где излагают свои довольно пошлые и довольно мещанские идеи.

Это явление не случайного порядка. Скажем прямо, на это нас толкают нередко некоторые наши театральные критики. Более того, кое-кто из них пытается подвести философскую базу. Со страниц журналов «Театр», «Вопросы литературы» и «Литературной газеты» порой раздаются голоса в защиту ущербного человека и ведутся атаки против так называемого идеального положительного героя. Например, критик А. Анастасьев, выступая на страницах «Литературной газеты», пишет, что якобы для того, чтобы в драматургии показать образ Валентины Гагановой, ее надо поставить в соответствующие условия, то есть показать, как она разрушала препятствия, боролась с врагами нового. А если ей ничто не мешает, то тогда ее образ якобы не представляет интереса для драматурга.

Неужели движение души Гагановой в самом деле не представляет для нас интереса? Неужели реальную жизнь надо искусственно подгонять под драматургическую схему?

Нет слов, советский писатель не может не замечать отрицательных явлений в жизни, не бороться против чосителей косности, бюрократизма, мещанства, невежества, ханжества, пошлости, но в еще большей степени советский писатель не может не замечать великих перемен в нашей жизни, а главное, изменений в моральном и духовном облике нашего современника.

Сегодня, как и вчера, главным в современной драматургии является утверждение нового, коммунистических идеа-

лов, развитие и углубление славных традиций, создание образов положительных героев, показ величия их дел и свершений. В этом свете мне кажется неправильным утверждение молодого театрального критика И. Вишневской в ее статье «Итоги драматургического года» («Вопросы литературы», № 2), в которой она пытается оспорить, поставить под сомнение необходимость существования в нашей драматургии главного направления. Вряд ли мы можем ставить на одну доску по идейно-художественным качествам, по силе воспитательного воздействия такие произведения, как «Стряпуха», «Иркутская история», «Тревожная ночь», «Начало жизни» и «Взломщики тишины».

Приходится удивляться, с какой легкостью В. Плучек на страницах «Литературной газеты» зачисляет, например, кое-кого из драматургов с их проповедью маленького героя-мещанина в последователи Чехова.

Очевидно, не случайно В. Плучек заявляет, что опыты итальянских неореалистов вызывают жадный интерес во всем мире, и тут же говорит о театре «Современник». Неореалисты имели свои радости и поражения. Но мы не можем не видеть ограниченность неореализма, его наивно-натуралистическое отображение жизни, а его маленькие герои не могут для нас служить примером. И сегодня следует скорее беспокоиться о судьбе молодого коллектива «Современника», нежели ставить его в пример.

Социалистический реализм, как известно, предполагает объединение людей различных творческих жанров и индивидуальностей на основе высокой коммунистической идейности. Естественно, наша литература, создавая сильные и яркие характеры современников, не может не писать и о «маленьких» людях, но не они являются подлинными творцами истории. И вряд ли мы были бы правы, если бы чрезмерно увлеклись изображением «маленьких» людей. Допустить такое — значит увести нашу драматургию от ее важнейших задач.

Кое-кто из драматургов сегодня активно ратует за то, чтобы наша драматургия стала общечеловеческой, имея в виду, чтобы наши пьесы ставились и в Западной Европе, и в Америке. Желание хорошее, но разве в наших сегодняшних пьесах нет общечеловеческих мотивов? Давайте перечитаем пьесы Погодина, Леонова, Корнейчука, Софронова, Арбузова, Мдивани, Чепурина, Д. Зорина, Вирты, Шейнина, Розова, Салынского, Симукова, Лаврентьева, Солодаря, Маклярского и многих, многих других. Нет, дело тут не в общечеловеческих мотивах. Они бесспорно есть. Но чем же тогда можно объяснить то, что наши пьесы сегодня редко ставятся в буржуазных странах? Видимо, тем, кто вершит судьбы театров в этих странах, требуются иные пьесы. Но мы не пойдем ни на какие идейные уступки ради сомнительной популярности.

Сегодня активно обсуждаются вопросы мастерства и новаторства в драматургии и театре, но многие из выступающих почему-то обходят молчанием самое главное: как воплотить героя наших дней; вскозь говорится и о вопросах идейности в нашем искусстве. Но как можно серьезно говорить о мастерстве в отрыве от идейности содержания? Мастерство, насколько нам известно, никогда не было самоцелью для драматургов. Мастерство необходимо

И. КУПРИЯНОВ

для того, чтобы ярче и лучше выразить идеи в художественных образах.

То же самое можно сказать и о новаторстве. Разве можно говорить о новаторстве драматургов в отрыве от идей, заложенных в пьесах? Ведь не форма же определяет суть новаторства.

К сожалению, эта азбучная истина стала почему-то забываться отдельными товарищами по искусству.

Именно потому, что мы новаторство часто видим в поисках формы, мы неправомерно много уделяем внимания, например, молодым, весьма интеллигентным и способным режиссерам тт. Эфросу, Львову-Анохину и Ефремову и начисто забываем порою о других новаторах в сценическом искусстве, ищущих новые средства выражения мыслей и чувств наших современников: о Плотникове и Васильеве, о Власове и Майорове, о Комиссаржевском и Бабочкине, о Яншине и Туманове и многих других режиссерах.

Сегодня мы должны твердо сказать, что нам не нужны обоймы ни в драматургии, ни в театре, ни в театральной критике. Не нужны потому, что они не способствуют консолидации творческих работников на принципиальной основе.

Среди некоторой части литераторов идет оживленный спор о том, каким должен быть положительный герой. В этом споре принимают участие не только театральные критики, но и некоторые драматурги.

«Не забудем и того, что Чехов был крайне деликатен и никогда не подменял живое действие героев правилами, — пишет А. Арбузов в журнале «Театр», № 1 за 1960 год, — он уважал человека и вообще не торопился развешивать в нем инстинкт подражания».

Не думаю, чтобы это утверждение было правильным и что оно целиком применимо к нашей литературной критике, что оно согласуется с основными идейно-воспитательными тенденциями нашей литературы.

Не так давно на страницах «Литературной газеты» по этому вопросу высказался А. Салынский. В статье «Человек на сцене» он говорит: «Я не мыслю себе героя, совершенно идеального, без сучка и задоринки. Даже самый чистый, самый мужественный человек бывает не свободен от каких-то, хотя бы самых малых недостатков».

Если задуматься серьезно в существо рассуждений автора статьи, то окажется, что оно весьма сомнительно в своей сути. Итак, говорит Салынский, людей без недостатков в природе не бывает.

Но это заявление не очень согласуется с тем, что мы видим в самой жизни. Она дает нам тысячи и тысячи примеров, когда мы встречаем душевно цельных, морально чистых, духовно богатых людей, достойных отображения.

Ошибочность утверждения тов. Салынского очевидна. Независимо от того, желает Салынский или нет, но его утверждения порождают недоверчивое отношение к нашим героям современникам. Неужели среди огромной армии коммунистов и беспартийных у нас нет людей, которые впитали бы в себя ленинские черты характера? Показать ленинские черты в образе нашего современника — вот главная задача!

Мне кажется, что А. Салынский, а вместе с ним и И. Вишневская поторопились с зачислением в галерею лучших образов наших современников академика Дронова из пьесы С. Алешина «Все остается людям».

Тов. Вишневская в журнале «Вопросы литературы», № 2, дает чрезмерно хвалебную оценку этому произведению.

В этой оценке И. Вишневской допущены не только передержки, но и вымысел. Да, в характере Дронова имеется ряд положительных черт. Он обаятелен, неутомим как труженик, горяч. Однако цельным ли человеком он предстает перед нами?

Наше представление о Дронове как о положительном характере нашего современника рушится в сцене философского поединка с попком Серафимом.

Академик Дронов не находит нужных слов, достаточно веских аргументов, чтобы дать бой, развенчать измышления человека в рясе, Дронов ушел в кусты. Что же осталось от Дронова? Симпатичный, обаятельный человек, и только? Думается, что одного этого маловато, чтобы получить право называться передовым человеком нашего века. В самом деле, Дронов — боец за свои материалистические убеждения не получил. Дронов — крупный ученый не всегда убеждает.

В центр пьесы, как известно, автор ставит один вопрос: кто будет продолжать дело Дронова после его смерти? Вопрос серьезный. Вопрос о преемственности поколений. И что же мы узнаем? Ведь передавать-то эстафету Дронову некому. Да и выбирать-то ему не из кого наследников. Хороших производственников, знающих свое дело, самостоятельно мыслящих, о которых красочно пишет Вишневская, в пьесе не существует. Их Вишневская придумала, желая подвести базис под свою «концепцию». Ученники Дронова выглядят весьма неприглядно. Им действительно нельзя вручать факел советской науки. Один из них — карьерист, другой — малодушный интеллигентик, третья — в душевных смятениях, и поэтому мы ей не очень доверяем..

Вот к чему приводит сомнительная теория о человеке с сучками и задоринками. Интересный замысел автора оказался не реализованным, а главный герой — дискредитированным.

Нет, не «сучки и задоринки» определяют характер нашего современника.

Пусть не поймут меня, что я за ликовку и приукрашивание нашей жизни и наших героев. Нет, дорогие товарищи! Я — за создание полнокровных героев наших дней. И это дело не такое уж легкое. Мне думается, у нас успех в этом будет только тогда, когда мы отрешимся от недоверия к нашему современнику, когда мы будем ориентироваться на сильные стороны человеческого характера, на те, что составляют главное в человеке.

Положительный герой не может жить в отрыве от производственной и общественной жизни, от борьбы. Мне неважно, «говорун» он или «молчун», какого цвета абажур на его настольной лампе, но я хочу, чтобы он меня увлек, убеждал, чтобы его борьба стала и моей борьбой, чтобы его идеи стали и моими идеями, чтобы от встречи с ним я чувствовал себя сильнее и богаче духовно.

Такую миссию вряд ли сможет выполнить человек с «сучками и задоринками».

Советский человек всей своей жизнью и борьбой давно заслужил право быть на нашей большой сцене, и притом в качестве главного героя, и если их сегодня еще мало, то в этом виноваты мы, советские драматурги.

С ЧЕМ НЕЛЬЗЯ СОГЛАСИТЬСЯ

И. КУПРИЯНОВ

ПРОБЛЕМЫ драматургии

СОЗДАВАЯ сегодня счастливую жизнь, советские люди твердо, как никогда твердо, верят в торжество коммунизма, в победу дела мира. Верят потому, что борьбу за эти высокие идеалы возглавляет наша родная, мудрая, закаленная в боях Коммунистическая партия.

Н. С. Хрущев на III съезде писателей назвал нас, советских литераторов, верными помощниками партии. Эти слова товарища Хрущева сегодня стали основным критерием в оценке нашей творческой деятельности. В самом деле, вряд ли сегодня можно судить о таланте писателя или художника, композитора или деятеля театра, не определив значения его произведений в нашей общественной жизни. Сила и мощь нашей литературы состояли и состоят в том, что она принимает живое участие в практике коммунистического строительства, оказывая помощь партии и государству в воспитании поколения преданных борцов за коммунизм.

Сколько бы мы сегодня ни говорили о мастерстве и новаторстве, главным для нас, советских художников, было и есть — поиски новых героев, раскрытие благородного облика нашего современника, человека труда.

Следует считать весьма отрядным, что за последнее время драматургия значительно больше стала интересоваться человеком, строим его мыслей и чувств, научились тонко и глубоко проникать в души изображаемых героев. Выросла и творческая активность драматургов. Театральные афиши пестрят названиями новых спектаклей и именами новых авторов. Советская драматургия в последнее время заметно потеснила зарудную буржуазную мещанскую мелодраму. А это немалая победа!

Однако все это еще не означает, что в драматургии уже произошел крутой поворот к темам современности. К сожалению, приходится констатировать, что драматургический вакуум у нас существует и заполняется порой довольно сомнительными пьесами, где действуют довольно сомнительные герои и не нашедшие для себя места в жизни молодые люди, разочарованные в собственных идеалах. Как правило, действуют они в тесных и душных квартирках, где излагают свои довольно пошлые и довольно мещанские идейки.

Это явление не случайного порядка. Скажем прямо, на это нас толкают нередко некоторые наши театральные критики. Более того, кое-кто из них пытается подвести философскую базу. Со страниц журналов «Театр», «Вопросы литературы» и «Литературной газеты» порой раздаются голоса в защиту ущербного человека и ведутся атаки против так называемого идеального положительного героя. Например, критик А. Анастасьев, выступая на страницах «Литературной газеты», пишет, что якобы для того, чтобы в драматургии показать образ Валентины Гагановой, ее надо поставить в соответствующие условия, то есть показать, как она разрушала препятствия, боролась с врагами нового. А если ей ничто не мешает, то тогда ее образ якобы не представляет интереса для драматурга.

Неужели движение души Гагановой в самом деле не представляет для нас интереса? Неужели реальную жизнь надо искусственно подгонять под драматургическую схему?

Нет слов, советский писатель не может не замечать отрицательных явлений в жизни, не бороться против чуждостей, бюрократизма, мещанства, невежества, ханжества, пошлости, но в еще большей степени советский писатель не может не замечать великих перемен в нашей жизни, а главное, изменений в моральном и духовном облике нашего современника.

Сегодня, как и вчера, главным в современной драматургии является утверждение нового, коммунистических идеа-

лов, развитие и углубление славных традиций, создание образов положительных героев, показ величия их дел и свершений. В этом свете мне кажется неправильным утверждение молодого театрального критика И. Вишневской в ее статье «Итоги драматургического года» («Вопросы литературы», № 2), в которой она пытается опспорить, поставить под сомнение необходимость существования в нашей драматургии главного направления. Вряд ли мы можем ставить на одну доску по идейно-художественным качествам, по силе воспитательного воздействия такие произведения, как «Стряпуха», «Иркутская история», «Тревожная ночь», «Начало жизни» и «Взломщики тишины».

Приходится удивляться, с какой легкостью В. Плучек на страницах «Литературной газеты» зачисляет, например, кое-кого из драматургов с их проповедью маленького героя-мещанина в последователи Чехова.

Очевидно, не случайно В. Плучек заявляет, что опыты итальянских неореалистов вызывают жадный интерес во всем мире, и тут же говорит о театре «Современник». Неореалисты имели свои радости и поражения. Но мы не можем не видеть ограниченность неореализма, его наивно-натуралистическое отображение жизни, а его маленькие герои не могут для нас служить примером. И сегодня следует скорей беспокоиться о судьбе молодого коллектива «Современника», нежели ставить его в пример.

Социалистический реализм, как известно, предполагает объединение людей различных творческих жанров и индивидуальностей на основе высокой коммунистической идейности. Естественно, наша литература, создавая сильные и яркие характеры современников, не может не писать и о «маленьких» людях, но не они являются подлинными творцами истории. И вряд ли мы были бы правы, если бы чрезмерно увлеклись изображением «маленьких» людей. Допустить такое — значит увести нашу драматургию от ее важнейших задач.

Кое-кто из драматургов сегодня активно ратует за то, чтобы наша драматургия стала общечеловеческой, имея в виду, чтобы наши пьесы ставились и в Западной Европе, и в Америке. Желание хорошее, но разве в наших сегодняшних пьесах нет общечеловеческих мотивов? Давайте перечитаем пьесы Погодина, Леонова, Корнейчука, Софронова, Арбузова, Мдивани, Чепурина, Д. Зорина, Вирты, Шейнина, Розова, Салынского, Симкуова, Лаврентьева, Солодаря, Маклярского и многих, многих других. Нет, дело тут не в общечеловеческих мотивах. Они бесспорно есть. Но чем же тогда можно объяснить то, что наши пьесы сегодня редко ставятся в буржуазных странах? Видимо, тем, кто вершит судьбы театров в этих странах, требуются иные пьесы. Но мы не пойдем ни на какие идейные уступки ради сомнительной популярности.

Сегодня активно обсуждаются вопросы мастерства и новаторства в драматургии и театре, но многие из выступающих почему-то обходят молчаливо самое главное: как воплотить героя наших дней; вскользь говорится и о вопросах идейности в нашем искусстве. Но как можно серьезно говорить о мастерстве в отрыве от идейности содержания? Мастерство, насколько нам известно, никогда не было самоцелью для драматургов. Мастерство необходимо

для того, чтобы ярче и лучше выразить идеи в художественных образах.

То же самое можно сказать и о новаторстве. Разве можно говорить о новаторстве драматургов в отрыве от идей, заложенных в пьесах? Ведь не форма же определяет суть новаторства.

К сожалению, эта азбучная истина стала почему-то забываться отдельными товарищами по искусству.

Именно потому, что мы новаторство часто видим в поисках формы, мы неправомочно много уделяем внимания, например, молодому, весьма интересному и способному режиссеру тт. Эфросу, Львову, Анохину и Ефремову и начисто забываем порою о других новаторах в сценическом искусстве, ищущих новые средства выражения мыслей и чувств наших современников: о Плотникове и Васильеве, о Власове и Майорове, о Комиссаржевском и Бабочкине, о Яншине и Туманове и многих других режиссерах.

Сегодня мы должны твердо сказать, что нам не нужны обоймы ни в драматургии, ни в театре, ни в театральной критике. Не нужны потому, что они не способствуют консолидации творческих работников на принципиальной основе.

Среди некоторой части литераторов идет оживленный спор о том, каким должен быть положительный герой. В этом споре принимают участие не только театральные критики, но и некоторые драматурги.

«Не забудем и того, что Чехов был крайне деликатен и никогда не подменял живое действие героев правилами и образцами хорошего поведения», — пишет А. Арбузов в журнале «Театр», № 1 за 1960 год, — он уважал человека и во все не горюшил развивать в нем инстинкт подражания».

Не думаю, чтобы это утверждение было правильным и что оно целиком применимо к нашей литературной критике, что оно согласуется с основными идейно-воспитательными тенденциями нашей литературы.

Не так давно на страницах «Литературной газеты» по этому вопросу высказался А. Салынский. В статье «Человек на сцене» он говорит: «Я не мыслю себе героя, совершенно идеального, без сучка и задоринки. Даже самый чистый, самый мужественный человек бывает не свободен от каких-то, хотя бы самых малых недостатков».

Если вдуматься серьезно в существо рассуждений автора статьи, то окажется, что оно весьма сомнительно в своей сути. Итак, говорит Салынский, людей без недостатков в природе не бывает.

Но это заявление не очень согласуется с тем, что мы видим в самой жизни. Она дает нам тысячи и тысячи примеров, когда мы встречаем душевно цельных, морально чистых, духовно богатых людей, достойных отображения.

Ошибочность утверждения тов. Салынского очевидна. Независимо от того, желает Салынский или нет, но его утверждения порождают неверное отношение к нашим героям современникам. Неужели среди огромной армии коммунистов и беспартийных у нас нет людей, которые впитали бы в себя ленинские черты характера? Показать ленинские черты в образе нашего современника — вот главная задача!

Мне думается, что А. Салынский, а вместе с ним и И. Вишневская потропились с зачислением в галерею лучших образов наших современников академика Дронова из пьесы С. Алешина «Все остается людям».

Тов. Вишневская в журнале «Вопросы литературы», № 2, дает чрезмерно хвалебную оценку этому произведению.

В этой оценке И. Вишневской допущены не только передержки, но и вымысел. Да, в характере Дронова имеется ряд положительных черт. Он обаятелен, неутомим как труженик, горяч. Однако цельным ли человеком он предстает перед нами?

Наше представление о Дронове как о положительном характере нашего современника рушится в сцене философского поединка с попом Серафимом.

Академик Дронов не находит нужных слов, достаточно веских аргументов, чтобы дать бой, развенчать измышления человека в рясе, Дронов ушел в кусты. Что же осталось от Дронова? Симпатичный, обаятельный человек, и только? Думается, что одного этого мало, чтобы получить право называться передовым человеком нашего века. В самом деле, Дронов — боец за свои материалистические убеждения не получился. Дронов — крупный ученый не всегда убеждает.

В центр пьесы, как известно, автор ставит один вопрос: кто будет продолжать дело Дронова после его смерти? Вопрос серьезный. Вопрос о преемственности поколений. И что же мы узнаем? Ведь передавать-то эстафету Дронову некому. Да и выбирать-то ему не из кого наследников. Хороших производственников, знающих свое дело, самостоятельно мыслящих, о которых красочно пишет Вишневская, в пьесе не существует. Их Вишневская придумала, желая подвести базис под свою «концепцию». Ученики Дронова выглядят весьма неприглядно. Им действительно нельзя вручать факел советской науки. Один из них — карьерист, другой — малодушный интеллигентик, третья — в душевных смятениях, и поэтому мы ей не очень доверяем...

Вот к чему приводит сомнительная теория о человеке с сучками и задоринками. Интересный замысел автора оказался не реализованным, а главный герой — дискредитированным.

Нет, не «сучки и задоринки» определяют характер нашего современника.

Пусть не поймут меня, что я за, кировку и приукрашивание нашей жизни и наших героев. Нет, дорогие товарищи! Я — за создание полнокровных героев наших дней. И это дело не такое уж легкое. Мне думается, у нас успех в этом будет только тогда, когда мы оторвемся от недоверия к нашему современнику, когда мы будем ориентироваться на сильные стороны человеческого характера, на те, что составляют главное в человеке.

Положительный герой не может жить в отрыве от производственной и общественной жизни, от борьбы. Мне неважно, «говорун» он или «молчун», какого цвета абаяжур на его настольной лампе, но я хочу, чтобы он меня увлек, убеждал, чтобы его борьба стала и моей борьбой, чтобы его идеи стали и моими идеями, чтобы от встречи с ним я чувствовал себя сильнее и богаче духовно.

Такую миссию вряд ли сможет выполнить человек с «сучками и задоринками».

Советский человек всей своей жизнью и борьбой давно заслужил право быть на нашей большой сцене, и притом в качестве главного героя, и если их сегодня еще мало, то в этом виноваты мы, советские драматурги.